

КОНЦЕПТ•СЕВЕРА В•МЕТАПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Алексей•Дзермант

Алексей Дзермант — философ, этнокультуролог. Сфера научных интересов — традиционная этническая культура, индоевропеистика, балто-славянская мифология, политическая и этническая история региона Балтийского моря, геополитика, философия традиционализма, история идей.



Карта Северного полюса
и северных стран.
Автор — Николя Сансон
(Nicolas Sanson). Франция, 1657 г.

Концепт мы определим как содержательную сторону словесного знака (значение), за которой стоит идея, понятие, определяющее существенные свойства реалий и явлений, включающее его исходную форму (этимологию), историю, эволюцию содержания и современные коннотации¹. Под метаполитикой мы будем понимать сферу того, что предшествует, лежит в основе, в сердцевине политического, сферу, включающую, в свою очередь, два основополагающих фактора: геополитику и традицию, где под геополитикой подразумевается признание фундаментальных качеств самого пространства, земли, в соответствии с которыми у этносов возникают присущие им формы общественно-политической, экономической и культурной жизни². А под традицией – совокупность ценностей, основных культурных структур, часто в виде формул и мыслительных схем, выражающих и передающих представление о мире, которое может проявляться в индивидуальных действиях и воплощаться в общественных институтах.

Понимаемую таким образом традицию невозможно представить вне связи с основным её выразителем – языком и поэтому уточним, что определяем собственную традицию как укоренённую в индоевропейской языковой картине мира. Конечно, географическое пространство Севера включает не только носителей индоевропейских языков,

¹ Шведова Н. Русский язык: Избранные работы. Москва, 2005. С. 603; Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. Москва, 1997. С. 40–76.

² Санько С. Беларусь: паміж Поўднем і Поўначчу. Падставовыя складнікі аўтэнтчнага мэтапалітычнага дыскурсу // Санько С. Штудыі з кагнітыўнай і канстрактыўнай культуралёгіі. Менск, 1998. С. 179.

DESCRIPTIO HYPERBOREORVM.



Карта Гиперборей
(*Descriptio Hyperboreorum*).
Авторы — Ёдокус Гондиус
и Петрус Бертиус (*Jodocus
Hondius et Petrus Bertius*).
Голландия, 1616 г.

но именно они, в особенности представители северной их ветви, чья история происходила под знаком масштабной планетарной экспансии и выдающихся цивилизационных достижений, сделали возможным само существование концепта Севера в том смысле, речь о котором пойдёт далее.

МЕТАФИЗИКА СЕВЕРА

Балто-славянские названия севера происходят от и. — е. **(s)keh₁w(e)r-*, обозначающего резкий, холодный ветер и место, откуда этот ветер происходит. В мифологии и сакральной географии Север имеет амбивалентный характер. С одной стороны, это место, отождествляемое со священным центром мира, верхом: индийская гора Меру, иранская Хара Березайти, благословенная, счастливая страна Гиперборея у греков³, в индийской традиции Север также соотносится с наивысшим жреческим сословием⁴. Север на санскрите — *uttara* ‘самая возвышенная область’, а *uttarayana* ‘движение к северу’ — это восходящий путь Солнца к северу небесной сферы, начинающийся в точке зимнего солнцестояния и завершающийся летним солнцестоянием. Для скифской модели мира реконструируется следующий ряд соответствий: *верх — гора — северные области — страна блаженных*⁵.

С другой стороны, семантика индоевропейских названий Севера часто связана с низом (англ. *north*, нем. *Nord* < и. — е. **ner-* ‘низ’), подземным миром, ночью (бел. *поўнач*, польск. *rólnoc*), чем-то потусторонним, демоническим и неблагоприятным⁶. Этимологически эти названия имеют общее происхождение с обозначениями левой стороны (ср. умбр. *nertru* ‘левый’), которая, в свою очередь, также имеет амбивалентный характер и связывается не только с опасными, неблагоприятными явлениями, но, как у римских авгуров, и с добрыми предзнаменованиями, называемыми «левыми» (лат. *sinister*, *laevus*), ср. прусские верования о том, что весенняя гроза с севера является знаком хорошего урожая⁷.

Ещё более интересно соответствие *северного, левого и кривого*. Праслав. **krivъ* ‘непрямой, левый’, сербохорв. *крив, крива, криво* ‘левый’, латышск. *krēiss* ‘левый’, лит. *kairys* ‘левая рука’ происходят из и. — е. **(s)ker-* ‘гнуть, кривить’. Словами, образованными от этого же корня на Балканах обозначают *сивер* — холодный северный и северо-восточный ветер: рум. *crivăţ (criveţe)*, болг., словенск, хорв. *krivec*, серб. *krivac*, ст.-рум. *criveţean* ‘северный’. В индоевропейских языках также широко известен семантический переход ‘кривой’ > ‘сакральный, ритуализированный’⁸, ср. ст.-прус. *kriwe*, лит. *krivis*, лат. арх. *krivs* ‘языческий жрец’, *krivūlė* ‘кривуля, магический жезл, кривой посох деревенского старосты’, бел. *крывая* ‘волшебная’, *крывыя вечары* ‘чародейные вечера’, что подтверждает почти универсальный характер сакральной или магической роли нестандартного члена противопоставления: *кривого, левого*, что связано с системой оппозиций древней модели мира⁹.

Таким образом, можно говорить о существовании следующего семантического ряда: *северный — левый — кривой — священный*. При чём каждый из элементов этого ряда амбивалентен, имеет как позитивную, так и отрицательную сторону, а их положительный потенциал проявляется, как правило, в нестандартных, нетривиальных ситуациях, например: «Идея кривизны (кстати, вовсе не всегда отрицательной, но нередко мистической и сакральной, предполагающей нахождение искомого выхода из трудного положения, спасения там и тогда, где и когда прямые пути уже исчерпаны и требуется некое «сверх-решение»»¹⁰.

Север в силу природных причин — это и есть то место, где для выживания и роста почти всегда необходимо преодолевать трудности и препятствия, совершать сверхусилия и искать сверх-решений. Холод, снег, лёд стимулируют человека добывать и оберегать огонь как внешний, так и внутренний, согревая им свой Космос и саму жизнь. Мотив сочетания огня и льда (воды), в результате которого рождается великан-первородок или прародитель Космоса, известен в скандинавских и белорусских космогонических преданиях¹¹.

³ Широкова Н. Культура кельтов и нордическая традиция античности. Санкт-Петербург, 2000. С. 17–74.

⁴ Генон Р. Символы священной науки. Москва, 2004. С. 120–122.

⁵ Раевский Д. Мир скифской культуры. Москва, 2006. С. 294.

⁶ Топоров В. «Мировое древо». Опыт семиотической интерпретации // Топоров В. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Т. I. Москва, 2010. С. 242; Швед I. Поўнач // Беларуская мифалогія. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2011. С. 368.

⁷ Baltu religijos ir mitologijos šaltiniai. T. III. XVII a. Vilnius, 2003. P. 251

⁸ Санько С. Імёны Бацькаўшчыны. Крыўя // Druvis. Almanach Centru etnakasialogijj «Kryūja». 2005. № 1. С. 11.

⁹ Иванов В., Топоров В. О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Славянские древности (Этногенез. Материальная культура Древней Руси): Сборник научных трудов. Киев, 1980. С. 27–29.

¹⁰ Топоров В. О балтийском слое русской истории // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. Москва, 2000. С. 393.

¹¹ Младшая Эдда. Санкт-Петербург, 2005. С. 16–17; Санько С. Дуалістычная касмалогія і беларускія рэфлексі індаеўрапейскай блізнячай мифалогіі // Druvis. Almanach Centru etnakasialogijj «Kryūja». 2011. № 3. С. 35–39.

Север — пограничье человеческого и сверхчеловеческого, «этого» и «иного» мира не может восприматься только как географическое местоположение. Николай Теребихин специально подчеркивает, что Север: «никогда не являлся чисто географической категорией, ориентирующей человека в физическом пространстве Земли. Север — это метафизическое явление, существующее в «ином» плане бытия, в ином измерении, доступном человеческому (земному, здешнему) восприятию только в особом экстатическом состоянии прорыва, выхода через себя, достигаемом в мистическом озарении. [...] Стихия Севера открывается человеку лишь в состоянии особого синергического настроя его души, в экстатическом устремлении, в мифопоэтическом творчестве. Поэтому неслучайно, что Север — это край Поэтов и Шаманов, творцов и хранителей его заповедей, сокровенной тайны»¹².

В европейском традиционализме Север рассматривается как «чистый», «несмешанный», а Юг — как реализация принципа смешения всего, Север — область Бытия, это сама полнота Бытия, Юг — область Ничто, чистой множественности и несамостоятельности¹³. Ось Север — Юг образует полярную вертикаль, поэтому и образы Севера часто связывают с вертикальными природными объектами: вершинами гор, лесом. В белорусской традиционной модели мира «лес опосредует отношения Неба (Верха) и Земли (Низа), в степи эти отношения неопосредованы, что присуще скорее ранним фазам космогенеза. Лес семантически маркирует Север и Верх, степь — Юг и Низ. И, как результат всего, лес оказывается максимально приближенным к сфере сакрального»¹⁴.

Север — это пространство вокруг Полюса, а сам Полюс в традиционном символизме воплощает Центр Мира¹⁵. В этой связи нельзя согласиться с трактовками Севера как противоположности Центру¹⁶, поскольку Север — «земля под Полярной звездой» — непосредственным образом к нему причастен. Север концентрирует и структурирует в себе и вокруг себя трансцендентные измерения, человеческие ресурсы и устремления.

ЭТОС СЕВЕРА

Северный этос формировался в том физическом и метафизическом пространстве, которое требовало не просто качеств, способствующих выживанию, но и необходимых для преобразования реальности, стремления к космическому равновесию и сверх-целям. Павел Флоренский очень точно отмечает связь между этими условиями существования и мироощущением: «Мерзлотная бодрость даёт силу справиться с разрушающими силами хаоса. Мерзлота — это эллинизм. [...] Это — древне-эллинское понимание жизни, трагический оптимизм. Жизнь вовсе не сплошной праздник и развлечение, в жизни много уродливого, злого, печального и грязного. Но, зная всё это, надо иметь пред внутренним взором гармонию и стараться осуществить её»¹⁷.

Этот этос также невозможно представить без особого отношения к жизни и судьбе, которое пресуще мировоззрению индоевропейцев: «В дохристианской древности — германской саге, римском представлении о фатуме или греческой трагедии — мы постоянно обнаруживаем мысль о том, что необходимо стремиться к невозможному, даже и особенно когда оно действительно невозможно. [...] Понятие фатума, таким образом, не подразумевает ни «покорности», ни подчинения, ни отречения. Напротив, оно побуждает к действию и поддерживает трагическое ощущение жизни. [...] трагическое связано с ясным осознанием человеком своей слабости, краткосрочно своего существования — и, в то же самое время, своего постоянно подтверждаемого желания возместить эту слабость творческим напряжением. Героизм заключается в борьбе против того, что одержит победу, — но победу «природную», которой всегда можно противопоставить другую победу, чисто человеческую. Человек способен стать героем, превзойти себя и приобщиться к богам, потому что существует судьба, которую можно осуществить или которой можно противостать»¹⁸.

¹² Теребихин Н. Лукоморский миф и Бьярмийская сага // Теребихин Н. Метафизика Севера. Архангельск, 2004. С. 140.

¹³ Санько С. Беларусь: паміж Поўднем і Поўначчу. Падставовыя складнікі аўтэнтычнага мэтапалітычнага дыскурсу. С. 188.

¹⁴ Санько С. Некаторыя падставовыя прасторавыя і часавыя структуры ў беларускім фальклоры // Санько С. Штудыі з кагнітыўнай і канстрактыўнай культуралёгіі. С. 114.

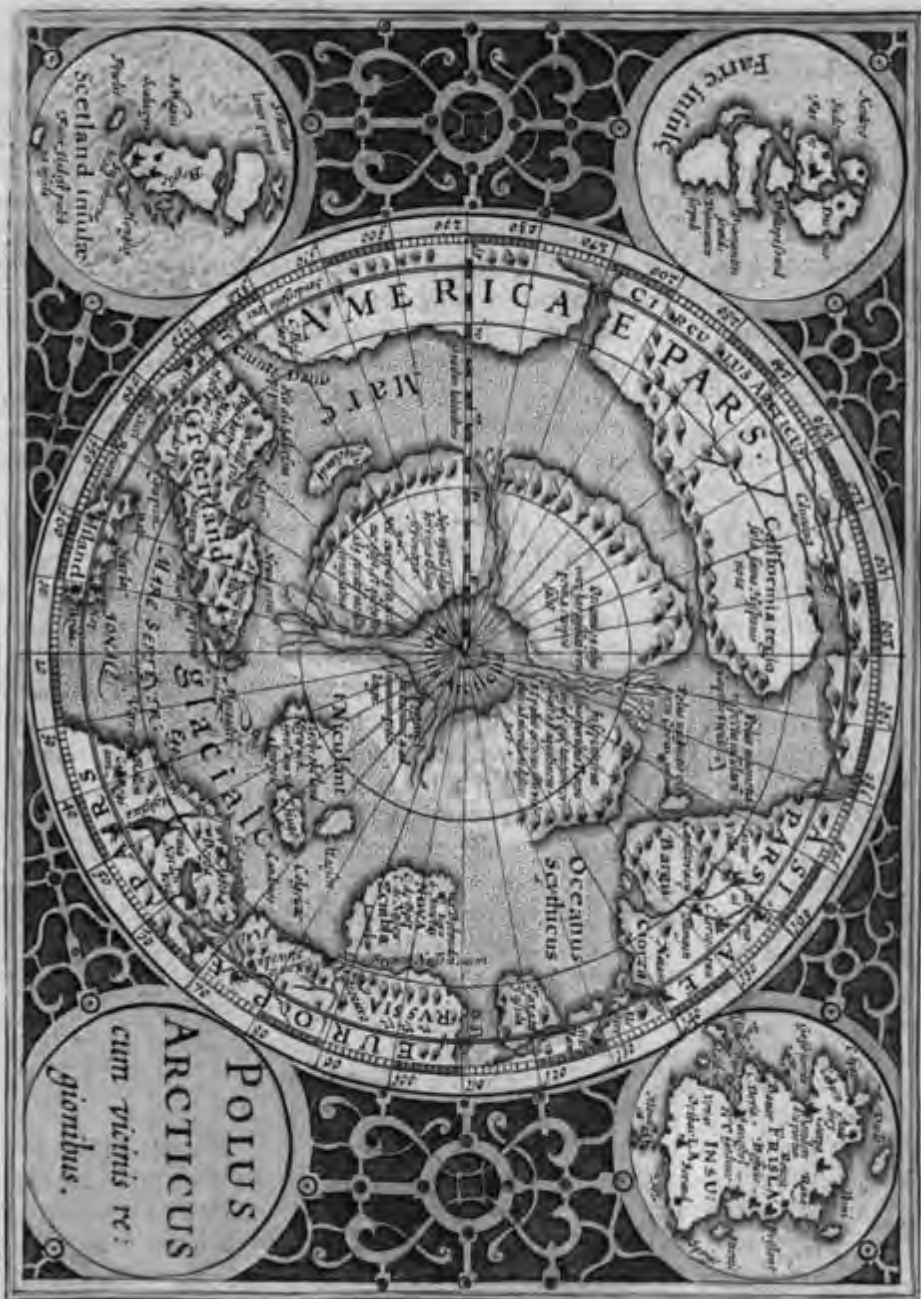
¹⁵ Гёнон Р. Символы священной науки. С. 85–87, Evola J. Revolt Against the Modern World. Rochester, 1995. P. 188–194.

¹⁶ Ср. Штепа В. RUтопия. Екатеринбург, 2004. С. 114–115; Джемаль Г. Ориентация — Север // <http://www.fatuma.net/blog/text/djema-orient12#3>

¹⁷ Флоренский П. Сочинения в 4-х т. Т. IV. Москва, 1998. С. 14.

¹⁸ Де Бенуа А. Как можно быть язычником? Москва, 2004. С. 186–188.

THE NORTH-POLE.



D3

Карта Северного полюса
и прилегающих регионов
(*Polus Arcticus cum
vicinis regionibus*).
Автор — Ёдокус Гондиус.
Англия, 1635—1638 г.

Тот же самый этос с Севера принесли индоевропейцы в Индию: «труд ария — это жертвоприношение, которое одновременно является и битвой, и восхождением, и походом — битвой против сил тьмы, восхождением на высочайшие вершины горы, за пределы земли и неба, к Свару, переходом на другой берег рек и океана в далекую Бесконечность сущего»¹⁹.

Северный этос органически связан с борьбой и преодолением, а следовательно тождественен добродетелям мужества, стойкости и дисциплины. Как отмечал Гельвеций «северные племена, бывают [...] гораздо более мужественными и способными к войне, чем народы, выросшие в роскоши, в изнеженности и подчиненные самодержавной власти»²⁰. Гельвеций обращает внимание на контраст между европейскими северянами-германцами, сохранившими эти добродетели и римлянами, утратившими их вместе со своим владычеством. Эндрю Хэдфилд в своём исследовании, посвящённом идее Севера, также отмечает этот контраст, и то, что этос наиболее выдающихся римлян и северных варваров во многом схож — в то время как на Юге он исчезает и растворяется в пороках, северяне сохраняют его²¹.

В своё время Юлиус Эвола обратил внимание на то, что этос северных европейцев совпадает с этосом древних римлян и дорийцев, построивших цивилизацию классической Греции. Он выделяет следующие его черты: самообладание, отвага, немногословность, обдуманность, последовательность и чёткость в действиях, хладнокровное чувство превосходства, чуждое всякого персонализма и тщеславия, — это *virtus* (добродетель, доблесть) не как морализм, но как мужество и храбрость, как *fortitudo* (стойкость) и *constantia* (постоянство), то есть душевная сила, *sapientia* (знание, мудрость) как осмысленность и осознанность, *disciplina* (дисциплина) как любовь к собственному закону и форме, *fides* (верность) в особом понимании преданности и верности, *dignitas* (достоинство), которое возвышалось до *gravitas* (суровость, степенность) и *solemnitas* (величественность). Этому этосу свойственны твердость в поступках и отсутствие красивых жестов; реализм, не в смысле материализма, но как любовь к существенному; идеал ясности; внутренняя уравновешенность; чувство меры; способность объединяться, не смешиваясь, как свободные люди ради достижения высшей цели или во имя идеи²².

Последнее замечание Эволы весьма ценно в связи с тем, что северный этос часто определяют через понятие свободы как противоположности «южному» рабству, деспотизму и догматизму²³. Тут следует указать, что само понятие свободы в индоевропейской языковой картине мира означает положение кого-либо, при котором он является правомерно включенным в качестве части в некое жизнеспособное, растущее Целое (общество, народ), благодаря своей принадлежности к группе людей, объединённых общностью происхождения или дружескими отношениями, индивид является не только свободным, но и самим собой, то есть свобода — это проявление своей «самости», возможное только среди «своих»²⁴.

СЕВЕРНАЯ ПРАРОДИНА

Прародина человечества, согласно наиболее распространённым сегодня представлениям, находилась на Юге (в Африке), однако, именно по мере продвижения человека на Север усложнялась его культура, появилась цивилизация, достигшая тут своего апогея и приведшая, в конце концов, к выходу за пределы Земли. Юг — это *vagina Hominum*, место появления человеческой жизни, а Север — то место, где человек совершает сверхусилие и, преодолевая земные препятствия, приближается к небу. В символической форме об этом, как о движении с Юга на Север с целью обретения духа, новой земли и нового неба, повествует Теодор Дайблер в своей философской поэме «Северное сияние»²⁵:

Ландшафт северного сияния превосходит все самые возвышенные мечты,
И все вещи начинают петь свою песнь.
Вещность мертва. Слово наполняет пространство.
В существе своем я слышу звучание мирового света.

¹⁹ Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. II. Тайна Веды. Санкт-Петербург, 2004. С. 223.

²⁰ Гельвеций К. А. Об уме // Гельвеций К. А. Сочинения в 2-х томах. Т. I. Москва, 1974. С. 465–466.

²¹ См. статью Э. Хэдфилда «Идея Севера» в этом выпуске альманаха «Сивер».

²² Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизм: взгляд справа. Москва, 2007. С. 207–208.

²³ Монтескье Ш. О духе законов. Москва, 1999. С. 235; Штепа В. Северный ветер // Русское будущее: сборник статей. Ред. — сост. В. Штепа. Санкт-Петербург, 2008. С. 194.

²⁴ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Москва, 1995. С. 212–219.

²⁵ Цит по: Филиппов А. Политический романтизм Карла Шмитта // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 1. С. 70.

Колышется, летит, поёт светлая пена звезд,
Слово гремит в полноте изначального корня.
Оно поёт. Оно звенит. Оно поёт себя самое. Рождает поэтов.
Дух будет снова привыкать к слову.

Мифо-поэтическое видение Севера можно дополнить и научными данными, например, из области антропологии и популяционной генетики. Ричард Линн в своём исследовании, посвященном сравнению в развитии интеллекта у представителей различных рас, показал, что наблюдается отчётливая зависимость между суровостью зимы, размером мозга и интеллектом. Объясняется это тем, что чем холоднее зимы в климатической зоне, в которой обитает раса, тем сильнее давление отбора в сторону увеличения мозга для обеспечения более высокого интеллекта, необходимого для решения задачи выживания в течение суровой зимы²⁶. Также оказывается, что в результате анализа генофондов народов всего мира именно в Северной Евразии сохраняется максимум характеристик общечеловеческого генофонда: «Такого сходства с генофондом человечества нет ни в одном другом генофонде коренного населения мира. Если основываться только на этих свойствах и на минуту забыть, о сколь северной окраине ойкумены идет речь, то можно было бы подумать, что мы имеем дело с некой самой центрально расположенной частью мировой суши или же с прародиной человечества. [...] Наиболее близок к мировому «генетическому центру» генофонд Северной Евразии»²⁷. Впрочем, тема «северной прародины» постоянно возникает в связи с разными областями знаний: религиоведение, сравнительная лингвистика, индоевропеистика и т. д., весьма богата и эзотерическая традиция с ней связанная²⁸.

Сакральные образы Севера и «северной прародины» представлены в мифологии многих индоевропейских народов: святая гора Меру и белый континент Швета-двипа индийцев, Хара Березайти и континент Хваниратха, на котором размещалась священная прародина иранцев Арьянам Ваэджа («арийский простор»), Рифейские горы и Гиперборея древних греков, остров Туле римлян, «острова на Севера мира» — место происхождения Племян богини Дану и друидической традиции кельтов²⁹. Только название «зимы» оказывается общим для праиндоевропейцев в их сезонно-климатической лексике, где названия прочих времен года либо отсутствуют, либо заметно расходятся³⁰, что, скорее всего, свидетельствует о северной локализации территории их последнего совместного проживания. «Северное» направление поиска индоевропейской прародины³¹, если понимать под «Севером» территорию между Балтийским и Чёрным морями³² может быть одним из самых обоснованных и перспективных с научной точки зрения. Именно тут мы находим очаг древнеевропейской гидронимии, наиболее архаичные и живые до сих пор языки и традиции (в частности, балто-славянские)³³.

ПО ТУ СТОРОНУ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Как отмечает Пётр Вандыч, «в Европе долгое время не существовало разделения на Запад и Восток. В древности доминировал один контраст: между цивилизацией средиземноморского Юга и варварским Севером. В средневековье, не смотря на то, что существовали две римских империи, восточная и западная, современники не рассуждали в категориях Востока и Запада»³⁴. При этом Север был не просто контрастом для цивилизаций европейского Юга, но и источником ностальгии о первоначальных истоках и добродетелях. Варварский Север был также для Юга (древней Греции и Рима) вместилищем витальной и вирильной силы, приходящей вместе с северными пришельцами, которая питала угасающие античные культуры и преображала их в новых формах.

Дихотомия Север—Юг в Европе оставалась актуальной с эпохи Античности, во времена Средневековья, Ренессанса вплоть до XVIII в., когда, западноевропейские деятели Просвещения «изобрели» Восточную Европу, транслируя на неё реинтерпретированный образ варварства и отсталости, как противоположности западноевропейской цивилизованности и просвещённости³⁵. Таким образом, оппозиция Запад—Восток, кажу-

²⁶ Линн Р. Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ. Москва, 2010. С. 221–226.

²⁷ Балановская Е., Балановский О. Русский генофонд на Русской равнине. Москва, 2007. С. 17, 370.

²⁸ Godwin J. Arktos: The Polar Myth in Science, Symbolism, and Nazi Survival. Kempton, 1996.

²⁹ Бонгард-Левин Г., Грантовский Э. От Скифии до Индии. Москва, 1983; Широкова Н. Культура кельтов и нордическая традиция античности. С. 17–74.

³⁰ Лелеков Л. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 34.

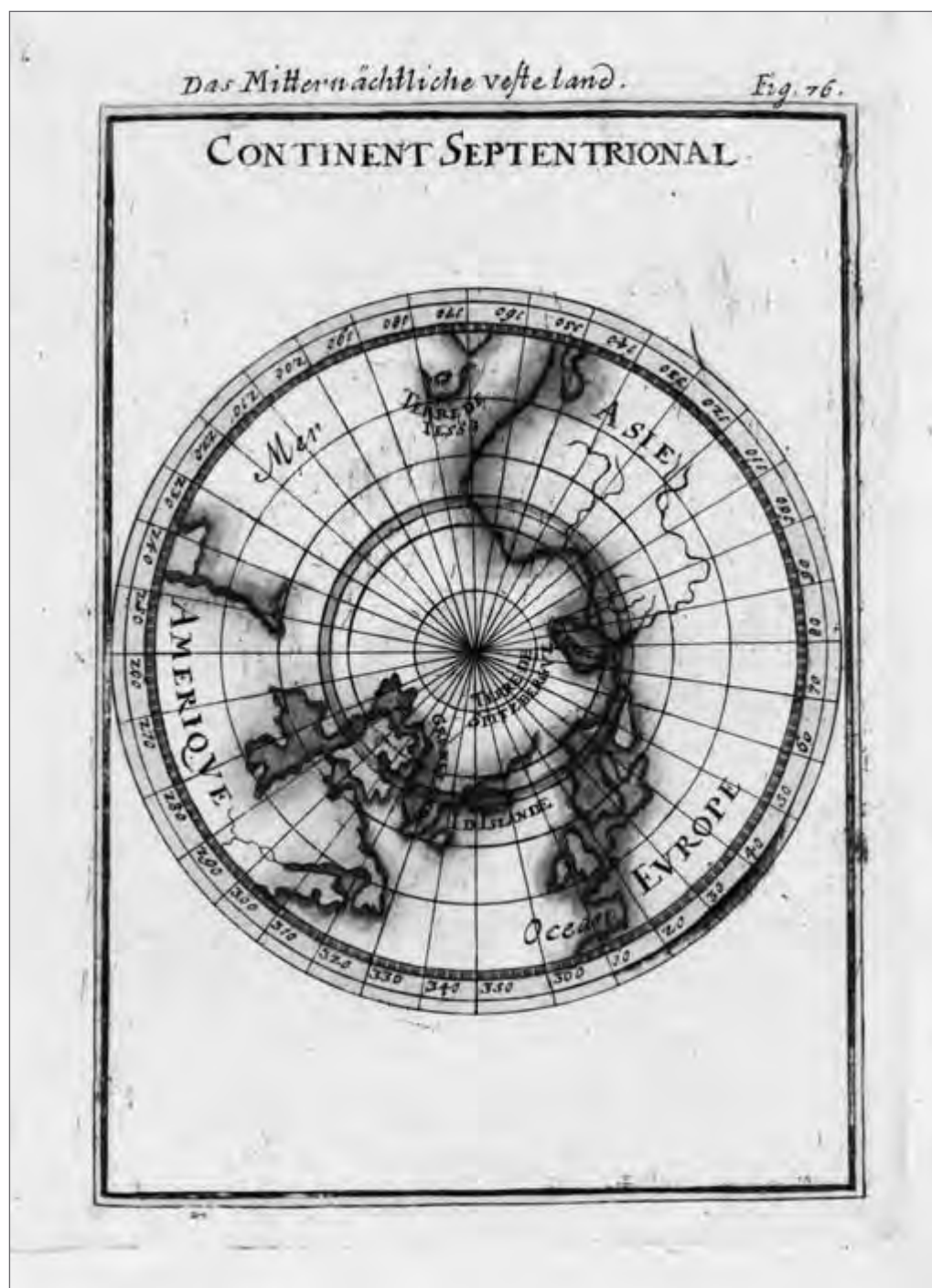
³¹ Haudry J. Les Indo-Européens et le Grand Nord. Hyperborée. 2006. № 3. P. 5–10.

³² Mallory J. P. In search of Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London, 1989. P. 254–257.

³³ Дини П. У. Балтийски языки. Москва, 2002. С. 75–78.

³⁴ Wandycz P. Cena wolności. Historia Europy Środkowowschodniej od średniowiecza do współczesności. Kraków, 2003. S. 12.

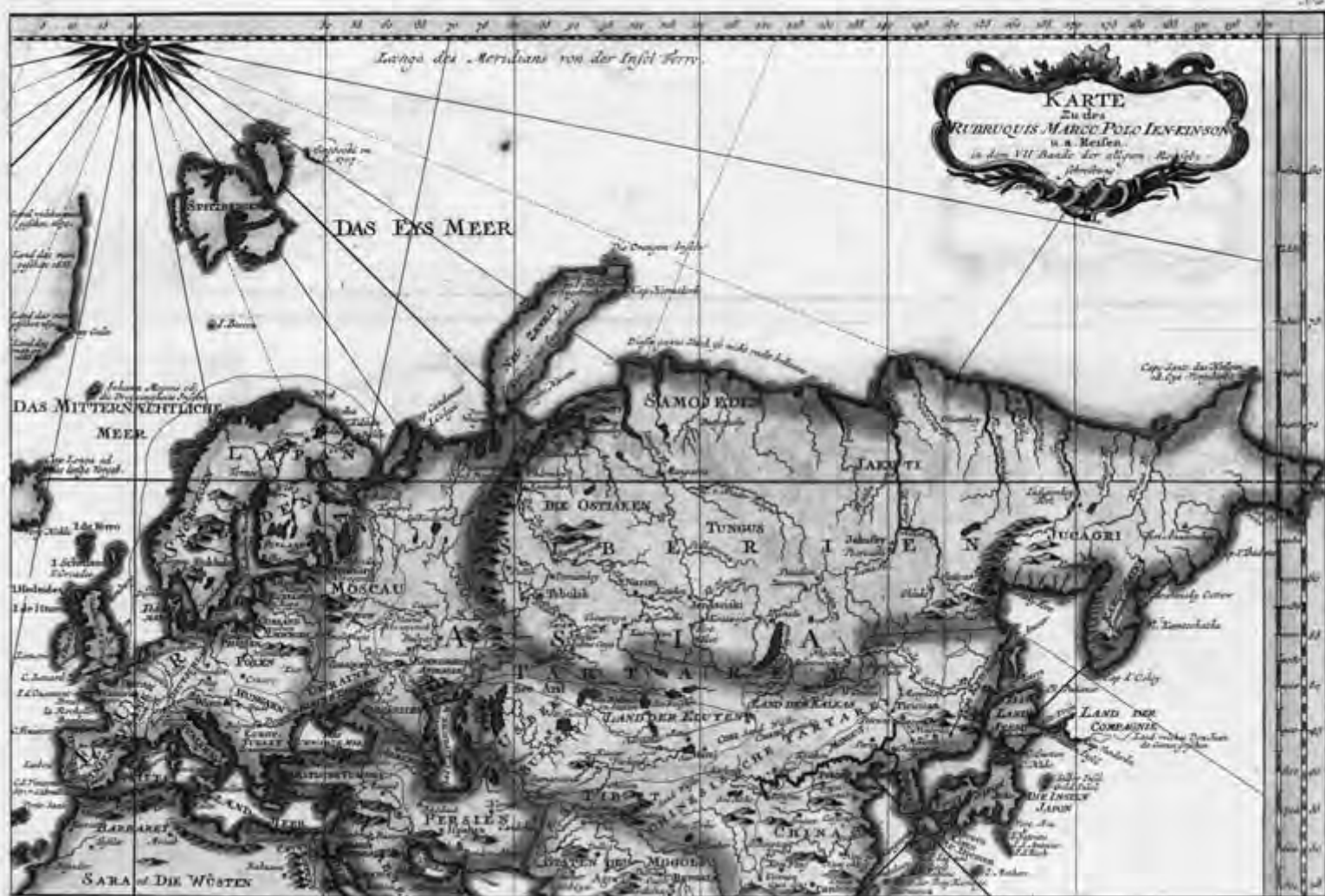
³⁵ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. Москва, 2003. С. 35, 36.



Карта Северного континента
(*Continent Septentrional*).
Автор — Алан Манессон Мале
(*Allain Manesson Mallet*).
Франкфурт, 1719 г.

щаяся сегодня извечной данностью и чем-то очевидным, безальтернативным, на самом деле оказывается относительно недавним явлением и ментальным конструктом, имеющим специфическое происхождение.

И, как показала история, это «изобретение» оказалось не таким уж безобидным, поскольку именно оппозиция Запад—Восток была глубинным фоном и мотивацией почти всех войн, которые имели место в Европе последние 200 лет. Например для Фрэнсиса Бэкона (1561—1626) военная активность имела совсем иное направление и обоснование: «Восток и запад не являются, однако, постоянными точками на небе: так же и о войнах нельзя с точностью заключить, свойственно ли им восточное направление



Карта странствий Марко Поло и других путешественников в Северной Евразии (Karte zu des Rubruquis Marco Polo Jen-Kinson u. a. Reisen in dem VII Bande der allgem. Reisebeschreibung). Автор — Никола Беллин (Nicolaus Bellin). Лейпциг, 1756 г.

или западное. Тогда как север и юг являются направлениями постоянными; и редко или даже никогда не случалось южному народу завоевать северный, а бывало как раз наоборот. Отсюда явствует, что жители северных стран по природе своей более воинственны, будь то влияние звёзд этого полушария или следствие расположения на севере больших материков, тогда как юг, насколько известно, почти целиком занят морями: или же (что всего вероятнее) следствие холодного климата северных стран, который без помощи военного обучения всего более укрепляет тела и горячит сердца»³⁶.

При том, что войны между Западом и Востоком Европы были весьма ожесточёнными и кровопролитными, многие из них впоследствии воспринимались как братоубийственные, гражданские (ср. определение Эрнста Нольте «европейская гражданская война 1917—1945 гг.» в отношении двух мировых войн³⁷), результатом коих, в конечном итоге, было примирение враждующих сторон. Войны же Севера и Юга: отражение арабского нашествия, Реконкиста, крестовые походы, войны с османами имели иной характер — воспринимались как священные, цивилизационные, требующие объединения всех европейцев для борьбы с общим врагом.

Наблюдение Ф. Бэкона о «непостоянстве» Запада и Востока можно дополнить и топографическим обоснованием релятивности этой дихотомии. В сферической системе координат западное и восточное направление не имеют никакого самостоятельного онтологического статуса и локально реализуются только потому, что в мире со сферической топологией существуют иные, реальные, а не мнимые сингулярности — полюса, относительно которых Запад и Восток имеют хоть какой-то смысл³⁸. С точки зрения символической онтологии ни Запад, ни Восток не связаны ни с какими бытийственными модальностями, а представляют исключительно сферу становления (точнее — становления (Восток) и исчезновения (Запад)), а в перспективе онтологических параметров они полностью равнозначны³⁹. Ось Запад — Восток — это чистая горизонтальность, онтологическая статичность, безжизненность, поскольку для развёртывания настоящих модусов Бытия необходим динамизм, невозможный без разницы потенциалов, без полярной вертикальности⁴⁰.

В этой связи обоснование горизонтализации полярной оси Север — Юг вроде поиска «Севера и Юга на Востоке и на Западе»⁴¹, символической легитимации Запада или Востока посредством Севера следует рассматривать не более чем сомнительным попыткой утвердить мнимую, иллюзорную полярность в качестве основополагающей.

ЕВРАЗИЯ ИЛИ СЕВЕР?

В географическом смысле глобальный Север — это северная часть евразийского и американского континентов, а с геополитической точки зрения Север — это, прежде всего, Северная Евразия, континентальное пространство от Дублина до Владивостока, в настоящее время разделённое между двумя крупными политическими образованиями: Европейским Союзом и Российской Федерацией, имеющих, тем не менее, общие этнические, культурные и цивилизационные основания, а также пространственную непрерывность, структурную и технологическую совместимость, необходимую для возможного создания автаркической экономики. Рассматривая соотношение Севера и Евразии, следует различать географический, геополитический контекст и контекст идеологический.

Евразийство как идеология основывается на предположении о том, что Россия представляет собой особую — евразийскую цивилизацию, отличную как от Европы, так и от Азии, и что определяющую роль в формировании этой цивилизации оказало тюркско-монгольское влияние. Серьёзных оснований считать, что русский народ является не европейским субъектом, хоть и со своей спецификой, а неким промежуточными между Европой и Азией мы не находим, что, в конце концов, признал и один из отцов-основателей классического евразийства Николай Трубецкой⁴². Поэтому можно полностью согласиться с выводом Андрея Фурсова о том, что «русский исторический субъект — это европейский субъект, освоивший евразийское пространство. [...] Тезис

³⁶ Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. II. Москва, 1972. С. 484–485.

³⁷ См.: Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. Москва, 2003.

³⁸ Санько С. Беларусь: паміж Поўднем і Поўначчу. Падставовыя складнікі аўтэнтчнага мэтапалітычнага дыскурсу. С. 183.

³⁹ Тамсама. С. 184.

⁴⁰ Тамсама.

⁴¹ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. Москва, 1999. С. 478–479.

⁴² Трубецкой Н. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. Москва, 2008. С. 109, 269; Соболев А. О русской философии. Санкт-Петербург, 2008. С. 334–335.

о некоей евразийской цивилизации — это логическая и историческая подмена истории географией, субстанции — функцией»⁴³. Утверждение евразийцев о том, что русские как этнос сформировались в результате сильного тюркского влияния⁴⁴ не выдерживает критики, поскольку антропологические показатели и генофонд русских — типично европейские⁴⁵.

Таким образом, говорить о евразийской идентичности русских весьма проблематично, также как и о «евразийскости» белорусов, украинцев, поляков, не говоря уже о народах Западной Европы. В то же время и сама Европа (даже средиземноморская её часть), и Россия с глобальной перспективы — это именно Север. Парадокс евразийства состоит в том, что создатели и адепты этой идеологии для того, чтобы отмежеваться от романо-германской Европы, понимаемой как «Запад», обратились к «Востоку», но, как убедительно показали в своих работах Эдвард Саид и Ларри Вульф, концепт Востока, ориентализм — это западноевропейское изобретение и колониальный конструкт. Евразийцы же, совершив «исход к Востоку», тем самым добровольно приняли и транслировали этот конструкт на собственную идентичность, что очевидно свидетельствует о неаутентичности этого дискурса.

Системная ошибка евразийской модели заключается в основании на жёстком геополитическом противопоставлении Запада и Востока с одной стороны, и в конструировании для русских, а также соседних народов европейского происхождения идентичности, якобы возникшей в результате масштабного европейско-азиатского этнического или культурного смешения, с другой стороны. Выше мы уже говорили об онтологической тупиковости, статичности оппозиции Запад — Восток. Кроме того, для ряда стран, по территории которых проходят соединительные геополитические швы (Беларусь, Украина) и где исторически сложился органический синтез западных и восточных элементов, подобный дуализм представляет угрозу для государственной целостности и национальной безопасности. Преодоление этой угрозы возможно только путём превосходения, позитивного снятия противоречий Запада и Востока. И этот путь — путь на Север.

БЕЛАРУСЬ КАК СЕВЕРНАЯ СТРАНА

Как очень точно заметил Игнат Абдиралович в своём знаменитом эссе об историческом пути белорусов — «Колебание между Западом и Востоком и искреннее неприятие ни одного, ни другого является основным отличием истории белорусского народа»⁴⁶. Одна из наиболее характерных черт белорусской идентичности — тугейшесть, была своеобразным способом избежать самоопределения в координатах навязанной оппозиции Запад — Восток: мы «не русские, не поляки», а тугейшие, то есть связанные с местом-тут, со своей землёй, которая, в свою очередь, имеет все основания рассматриваться в качестве части европейского Севера.

Само название — Беларусь своим происхождением связано со скандинавскими военными дружинами — *русью*, которые стали катализатором процесса государствообразования в нашем регионе⁴⁷. Показательно, что первый известный полоцкий князь Рогволод под именем Рагнвальда Русского фигурирует среди богов и героев в описании *Bellum Bravicum* — полупоэтической великой битве всех народов Севера⁴⁸. Собственно *Белая Русь* как историко-географическое название впервые появляется в Дублинской рукописи (2-я пол. XIII в.) с приблизительным расположением в Северо-Восточной Европе. Северная локализация некоей «Белой» страны: *Albania, Russia Alba, Alba Ruthenia* рядом с Балто-Скандией прослеживается в течение длительного времени⁴⁹. С XVII в. оно наиболее часто употреблялось в отношении современного белорусского Поднепровья и Подвинья, а с XIX в. становится общепринятым названием всех белорусских этнографических территорий⁵⁰.

По мнению Олега Латышонка обозначение «белая» связано с символическим определением «верха», верховьев рек (в частности, Волги, Днепра и Западной Двины), а название *Белая Русь* является завершением передачи понятия «верха» в разных языках:

⁴³ Фурсов А. Интересы, а не ценности; русская Европа, а не Евразия // Материалы научного семинара SYNERGIA. Цивилизационный контекст и ценностные основания российской политики. Выпуск № 7 (16). Москва, 2009. С. 99–100.

⁴⁴ Дугин А. Славянский мир и основные тенденции геополитики (доклад на «Славянской конференции», май 2001 г., Москва) // Основы евразийства. Москва, 2002. С. 746–747.

⁴⁵ Балановская Е., Балановский О. Русский генофонд на Русской равнине. Москва, 2007. С. 297.

⁴⁶ Абдзіраловіч (Канцэўскі) І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду // Беларуская думка XX ст.: Філасофія, рэлігія, культура (анталогія) / Укл. Ю. Гарбінскі. Warszawa, 1998. С. 75.

⁴⁷ Сінкевіч А. Вецер дзьме з поўначы // <http://www.manar-chija.org/viecer>

⁴⁸ Łatyszzonek O., Bely A. On the Scandinavian origin of Rahvalod // Annus Albaruthenicus. 2005. № 6. P. 63.

⁴⁹ Бель А. Хроніка «Белай Русі». Нарыс гісторыі адной геаграфічнай назвы. Мінск, 2000. С. 37.

⁵⁰ Бель А. Белая Русь // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў 2-х тамах. Т. I. Мінск, 2005. С. 306.



Карта Северной Европы.
 Автор — Генрих Шерер (*Heinrich Scherer*). Германия, 1699 г.



Гиперборея, Албания, Крева, Верх⁵¹. В связи с соотношением в индоевропейской символике цветов высшего (жреческого) ранга с белым цветом, Сергей Санько реконструирует следующую символическую тождественность элементов: *Север — Верх — Белый — Жрецы*⁵².

В этнокультурном плане территория Беларуси испытывала мощное влияние северо-европейских культур, расположенных в регионе Балтийского моря, начиная с верхнего палеолита и до конца I тыс.⁵³ В VIII—X вв. складываются границы «Циркумбалтийского субконтинента», объединяющего германские, балтские, славянские и финно-угорские народы, включавшего, в том числе, и территорию современной Беларуси⁵⁴. Василий Булкин и Виктор Зоценко полагают, что доминирование балтоязычного населения в Верхнем Поднепровье сформировало достаточно определённую систему взаимоотношений между родственным населением и приходят к выводу о том, что «судьбы западных земель Руси в постмонгольский период в своих исторических рамках, может быть, обусловлены былой причастностью к общевосточному (в широком понимании) миру»⁵⁵. Результаты антропологических исследований подтверждают подобие физического типа современных белорусов и населения восточных частей Литвы, Латвии и Эстонии, а также русских Смоленской и Тверской областей России. Жители этих территорий относятся к балтийской (североевропейской) расе⁵⁶. Локальным типом этой расы является валдайско-верхнеднепровский антропологический комплекс, наиболее характерные представители которого — литовцы, белорусы и русские с верховьев Днепра, Западной Двины и Волги⁵⁷. Истоки этого типа связываются в первую очередь с особенностями физического облика древнего населения Верхнего Поднепровья и Подвинья — восточными балтами⁵⁸.

«Причастность» белорусских земель к балтийскому миру рассматривается также как один из возможных факторов образования, быстрого и значительного расширения Великого Княжества Литовского⁵⁹. Согласно определению Стэфана Роувэлла в XIV—XV вв. «сердцем Балтийской Европы» были земли Великого Княжества Литовского (вместе с Польским королевством), Тевтонский орден и Ганзейский союз⁶⁰. Фактически до начала XX в. Беларусь и Литва представляли собой единый исторический, этнографический и культурный регион, «регион ВКЛ», который можно рассматривать в качестве юго-восточной части Балто-Скандии⁶¹.

Северный, балтийский вектор определяет контуры совсем иного хронотопа формирования белорусской идентичности, связанного с осью Север — Юг. Как замечает Игорь Бобков «на оси Юг — Север происходила генеалогия нашего этнокультурного пространства, возникновение Цивилизации Межморья (цивилизационные импульсы с юга — Киевская Русь, Византия, степь, севера — историческая Литва, Вильна, Балтоскандия)...»⁶². К этому следует добавить, что изменяя систему цивилизационных и геополитических координат, а также её масштабирование, можно заметить, что в границах нашего макрорегиона Беларусь концентрирует влияния Севера и Юга, Запада и Востока, занимает центральную позицию, что, кстати, подтверждается и размещением Беларуси на Главном европейском водоразделе (истоки крупнейших европейских рек: Волги, Двины, Днепра, Немана) и на стыке трёх больших геологических плит: Фенноскандии, Волго-Уралии и Сарматии.

СЕВЕР: СОЮЗ НАЦИЙ ИЛИ ИМПЕРИЯ?

Если представить Север как геополитическое единство, то неизбежно встанет вопрос о конкретных политических формах его воплощения. Очевидно, что эти формы должны превосходить все существовавшие ранее и существующие теперь. Например, национальные государства. Уже сейчас очевидно, что они оказываются бессильными перед лицом современных вызовов, поскольку они слишком велики для преодоления повседневных трудностей, решения локальных проблем и в то же время слишком малы, чтобы в одиночку управлять процессами глобального масштаба. Следовательно, необходима реорганизация народов и наций на шкале цивилизаций и континентов⁶³.

⁵⁵ Булкин В., Зоценко В. Среднее Поднепровье и неманско-днепровский путь IX—XI вв. // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.» (Чернигов, 26–28 сентября 1988 г.). Киев, 1990. С. 117.

⁵⁶ Саливон И. Палеоантропология Белоруссии и вопросы происхождения белорусского народа (по краниологическим материалам II тыс. н. э.). Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Москва, 1969; Алексеева Т. Восточные славяне: истоки, становление, формирование // Наука в России. 2003. № 2. С. 63, 66, 69–70.

⁵⁷ Алексеева Т. Этногенез восточных славян по данным антропологии. Москва, 1973. С. 231.

⁵⁸ Денисова Р. Антропологический тип восточных литовцев // Latvijas PSR zinātņu Akadēmijas vēstis. 1963. № 9. С. 15–26.

⁵⁹ Топоров В. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в средние века (сборник тезисов). М., 1990. С. 9; Zinkevičius Z. Krikščionybės ištakos Lietuvoje: Rytų krikščionybės vardyno duomenimis. Vilnius, 2005. P. 86.

⁶⁰ Rowell S. C. Baltic Europe // The New Cambridge Medieval History. Vol. 6: c. 1300 — c. 1415. Cambridge, 2000. P. 701.

⁶¹ Карлюк К. Balticum Anno Domini 1650: Балтаскандия ў эпоху Базаў // Druvis. Almanach Centru etnaskalogijai «Kryūja». 2011. № 3. С. 149–171; Пакштас К. Балтаскандинаўская канфедэрацыя // Druvis. Almanach Centru etnaskalogijai «Kryūja». 2011. № 3. С. 175–183.

⁶² Бабкоў І. Беларусь-Украіна: падарожжа на край // Бабкоў І. Каралеўства Беларусь. Вытлумачэньні ру[і]наў. Менск, 2005. С. 86.

⁶³ Де Бенуа А. Европа и глобализация // Де Бенуа А. Против либерализма: к Четвёртой политической теории. Санкт-Петербург, 2009. С. 180.

Какими могут быть формы наднациональной, континентальной организации? Вадим Штепа убеждён, что «Север — это принципиально постимперская цивилизация»⁶⁴. Это мнение представляется обусловленным специфическими российским и восточно-европейским дискурсами, во многом вдохновлённым образами последней «империи зла». Однако в Западной Европе преобладает более взвешенное отношение к имперской традиции: «Единство Империи не механическое, но сложносоставное, органическое, охватывающее совокупность государств. В самом способе воплощения своего принципа Империя достигает единства именно на такой основе. Если нация порождает или ставит себе задачу сформировать собственную культуру, то Империя охватывает разные культуры. Если нация ищет путь сближения между народом и государством, то Империя объединяет различные народы. Её закон — автономия и уважение к различиям. На высшем уровне Империя видит себя объединяющей — но без подавления — всё разнообразие культур, этносов и народов. Она созидает целое так, что оно оказывается крепче, чем автономные части»⁶⁵. Даже Европейский Союз небезосновательно определяют как современную форму империи⁶⁶.

Впрочем, проблема не в том, как будет называться возможный проект геополитического объединения континентального Севера: империя, федерация, союз, содружество или как-то ещё, а в том, на каких принципах он будет основываться. И эти принципы в обновлённых формах можно черпать из европейской политической традиции: органическая, прямая демократия полисного или вечевого типа, территориальная автономия и децентрализация при одновременной интеграции социальных элит как в Священной Римской империи германской нации, Австро-Венгрии или Великом Княжестве Литовском. С одной стороны — демократия соучастия, максимально распространяемая в коммунальном и региональном масштабе, принцип субсидиарности, предусматривающий решение задач на самом низком, малом или удалённом от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно, с другой стороны — принцип сетевой организации элитарных структур неоорденского типа, воплощающих центр, не обязательно связанный к какой-то определенной территорией, и осуществляющих управление макропроцессами (мировоззрение, военная сфера и безопасность, макроэкономика, научно-техническое развитие и т. д.).

Подобное политическое устройство, по мнению Гийома Фая, представляет собой возможную реализацию имперского принципа в будущем: «Империя — это децентрализованная Федерация с сильной центральной властью, но вмешательство которой ограничено главными областями согласно принципу разделения полномочий: это внешняя политика, защита границ, основные экономические и экологические правила и т. д. Имперский принцип — это не унификация: составные части Империи автономны и могут организовываться разными способами и вести собственную внутреннюю политику (правосудие, учреждения, налоговая автономия, образование, язык, культура и т. д.). Империя сохраняет общее единство и общий цивилизационный проект»⁶⁷. Отталкиваясь от этого понимания, тут можно увидеть и возможность для преодоления противоречий между регионализмом, национализмом и имперским проектом в рамках концепции «трёхэтажной родины»: 1) региональная малая родина; 2) гражданство исторической страны; 3) общее гражданство, охватывающее близкие в историческом, культурном и этническом плане народы на всём континентальном пространстве от Дублина до Владивостока⁶⁸.

СЕВЕР КАК АРХЕОФУТУРИСТИЧЕСКИЙ СВЕРХ-ПРОЕКТ

После европейской гражданской войны 1917—1945 гг., преодолев некогда неразрешимые противоречия между Германией и Францией, возникло панъевропейское объединение, известное сегодня как Европейский Союз. После окончания холодной войны постепенно приходит осознание необходимости объединения Севера, по крайней мере, как континентального проекта в Северной Евразии. Идея Севера привлекает

⁶⁴ Штепа В. Северный ветер. С. 195.

⁶⁵ Де Бенуа А. Идея Империи // Де Бенуа А. Против либерализма: к Четвёртой политической теории. С. 446–447.

⁶⁶ Zielonka J. Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union. Oxford, 2006.

⁶⁷ Фай Г. За что мы сражаемся? Идеологический словарь. Москва. С. 110.

⁶⁸ Там же. С. 144.



Карта Северного полюса
и северных стран.
Автор — Исаак Тирион
(*Isaak Tirion*).
Нидерланды, около 1765 г.

интеллектуалов в Европе (Гийом Фай, Ален де Бенуа), в России (Вадим Штепа, Сергей Переслегин, Юрий Крупнов) и в Беларуси (Сергей Санько, Юрий Шевцов). Есть немало людей, симпатизирующих ей и в Северной Америке.

Существует несколько локальных «северных» проектов в теории: Балто-скандинавская конфедерация (Казис Пакштас), Панбалтония (Владимир Видеманн), и на практике: Северное измерение ЕС, Северный совет. Существует также концепт современной Северной Европы (преимущественно Скандинавии) как протестантского, антиримского, антиимперского, мирного, маленького и социал-демократического *Norden*'а⁶⁹. Однако, как нам видится, — всё это скорее некие преходящие формы, слабые отражения того, что представляет собой настоящий Север. Также его нельзя понять и определить в рамках противопоставления «богатого Севера», и «бедного Юга», хотя демографическое давление с Юга — это серьёзный вызов для всех северных народов. Сущность Севера определяется другим.

Во-первых, Север — это сверх-проект будущего, который, как отмечает Юрий Крупнов, призван организовывать цивилизационное строительство, а не просто расширять существующие связи и отношения, не просто «удлинять» Запад и Восток в их сегодняшней реальности, Север — это проект создания принципиально нового социо-антропологического и этно-культурного мирового порядка, интеграции разорванных сегодня «старых цивилизаций», а не воспроизводство существующего формата монополярного мира⁷⁰.

Во-вторых, Север — это общее пространство, где должны быть найдены выходы из теперешнего экономического, политического, идеологического, религиозного тупика и системного цивилизационного кризиса, охватившего человечество. Этот выход не будет найден из ниоткуда, путь к нему содержится в нашей собственной ментальности (от и.-е. **men-* 'мыслить, помнить') и традиции, требующей «*высоких жизненных идеалов — героизма, а точнее преодоления себя ради достижения высшего уровня Бытия*»⁷¹. Это наследие требует продолжения и преумножения, поэтому оно может и должно органически дополняться научным знанием и новейшими технологиями. Поэтому Север — археофутуристический проект, сочетающий корни, традиционные принципы со стремлением вверх и в будущее⁷².

Север — это осознанное движение к сверх-цели и принятие ответственности за собственную судьбу и за весь мир, с этой судьбой связанный. Восхождение Севера означает очищение от отживших форм, преодоление инерции уходящей эпохи, исчезновение старых границ и проведение новых. Эта перспектива позволяет увидеть возможность и миссию для таких стран как Беларусь, занимающих «промежуточное», «неопределённое» положение в существующей системе координат, стать местом, где будут найдены формулы синтеза и практические проекты организации нового порядка Севера. Наша задача — воспользоваться этой возможностью.

⁶⁹ Østergård U. Nordic Identity between «Norden» and Europe // *European Peripheries in Interaction. The Nordic Countries and the Iberian Peninsula*. Ed. by L. Beltrán, J. Maestro, L. Salo-Lee. Alcalá, 2002. P. 151–202.

⁷⁰ Крупнов Ю. Северная цивилизация // <http://www.p-rossii.ru/articles/stat37.phtml>

⁷¹ Haudry J. Die Welt der Indoeuropäer // *Elemente*. 1986. № 1. S. 35.

⁷² Подробнее о понятии археофутуризма см.: Фай Г. Археофутуризм. Тамбов, 2011.